

Словосочетание успело превратиться в клише, но при этом не замутилось оттенком иронии, хотя и напрашивается на вопрос: «Неужели и вправду—последний?» Нет, конечно! Пока существует Россия, романтики не переведутся. Это провоцируется нашими просторами и нашей вечной неустроенностью. Всегда будут появляться мальчишки, которым не терпится посмотреть: что же там, за пределами родного болота, которое нахваливают местные кулики? Там наверняка интереснее. Мальчишек гонит из дома любопытство и желание проверить себя: способен ли ты осилить незнакомую дорогу?

Ветра дули в восточном направлении, когда Владлен Белкин окончил Ярославский пединститут. Поучительствовал в сельской школе, но не сиделось ему в средней полосе. Как бы ни красивы были храмы Углича, Ярославля и Ростова, как ни внушала уважение величественная старина, а всё-таки тянуло на неизведанный таинственный восток, и в некотором смысле—на родину: ведь он появился на свет в Омской области. Определённое влияние на молодые доверчивые умы имела тогда и массированная пропаганда. Из радиоприёмников чуть ли не каждый день звучало браво: «Едут новосёлы по земле целинной, песня молодая далеко летит...»—или сердцещипательное: «Полюбила тракториста—он уехал в Барнаул...»

И всё-таки последнее слово остаётся за конкретным человеком. Одни раздумывают, взвешивают, другим просто не сидится на месте. В результате молодой учитель Владлен Белкин оказался в поезде первоцелинников.

Красивые мечты уводят из дома, но встречи с жёсткой действительностью необжитых мест не каждому по характеру. Больше половины молодых мечтателей при первой возможности возвращаются домой. Но Белкин—человек другой породы. И если степи Северного Казахстана оказались немного не тем, о чём он мечтал, целина оставила заметный след и в душе, и в творчестве. Появилась поэма «Первоцелинники», которая, можно сказать, дала направление его поэзии на долгое время—определила метод.

В 1956 году Белкин уезжает на строительство Красноярской ГЭС. Сначала преподаёт в вечерней

школе, потом уходит рабочим в бригаду своих бывших учеников, осваивает профессии бетонщика и каменщика и становится первостроителем в самом прямом смысле слова.

Я обрел себя в бригаде.  
И от артельного огня  
шли чередой в мои тетради  
тревоги прожитого дня.

Это теперь Дивногорск—один из красивейших городов России, а самобытнейший—бесспорно. Но, как это ни парадоксально, лично у меня он ассоциируется с Суздалем. А начинался, как и все новостройки, с деревянных бараков. В это время и появились у Белкина стихи, написанные в жанре лирического репортажа,—не созерцательные, а продиктованные и выверенные личным опытом, где каждая деталь прочувствована и проверена собственными руками.

Занудливо скрипит лопата,  
Скрипит докучный мастерок...  
Оранжевый, шероховатый  
Берёшь кирпич:  
Ложок, тычок...  
Дни, годы—всё одно и то же:  
тычок, ложка да твердь стены.  
Не зря на работа похожим  
Ты кажешься со стороны...

Какая уж тут романтика? Но лирический герой, который у Белкина почти всегда сливается с автором, понимает, что надо терпеть эту занудливую, утомительную монотонность, чтобы в итоге появился:

Неотглаженный и горластый,  
работящий и гулевой,  
между сопок и скал клыкастых  
дерзко втиснулся город мой!  
Просмолённый, таёжный, бревенчатый,  
молодёжный, многоступенчатый...  
Свой! Своими руками рубленный,  
в дикий берег упрямо вросший.  
Дивный! Грязный...  
Хвалёный и руганный,  
на все города непохожий.

Оглянуться и почувствовать удовлетворение:

...И растает мой голос в гуле  
нарастающих городов,  
но останутся строчки улиц  
посреди сибирских лесов,  
но останется город строгий,  
юный город у вечных скал...  
Я не просто его строил,  
я, как песню, его слагал!

В этих стихах нет ярких метафор и неожиданных сравнений, но поэт и не стремился к внешним эффектам, его волновало желание рассказать, как строился город, рассказать о людях, с которыми он прошёл этот путь.

Не замахивался Белкин и на лавры первооткрывателя темы. Евтушенко уже успел и написать, и широко издать местами очень яркую «Братскую ГЭС», о которой его противники (или завистники) говорили, что четыре строки Петра Пиницы:

Ах ты, сука-романтика,  
Ах ты, Братская ГЭС,  
Я приехала с бантиком,  
А уехала без,—

намного значительнее этого огромного эпического полотна. Нет, конечно. Однако каждый имел право на свою правду. Просто они очень разные. Белкин — неисправимый романтик по убеждению, Евтушенко гнал поэтический азарт, а Пиницу вело, скорее всего, журналистское любопытство. Поэтому и на стройку смотрели они разными глазами и с разными чувствами.

Белкин и в солидном возрасте оставался горячим романтиком, только в России случились кардинальные изменения. Во времена перестройки многие эстетствующие поэты стали писать остросоциальные стихи, разоблачающие времена застоя. Даже Кушнер признался, что начал читать газеты. Но отгремели баталии, страна вошла в спокойное русло (вроде и новое, но сильно напоминающее прежнее). Идеалы разрушили, а дурные порядки остались. Отсутствие идеалов помогало им разрастаться и набирать силу. Многие поняли, что мы идём куда-то не туда. А современная поэзия не захотела это замечать и ушла в себя ещё глубже, чем при «застое». Однако Белкин — один из немногих, кто заговорил громко и внятно. Он всю жизнь писал о том, чего требовала его душа. А она требовала справедливости. Она не могла молчать, чувствуя, что с нами творится. Да и как смолчишь, когда слышишь по «Радио России», что в университетском Томске за 1991 год ликвидировано пятьдесят библиотек, а в 1992 намечено закрыть ещё десять? И в Ставрополе в помещении бывшего Дворца культуры открыт игорный дом?

По всей Руси чванливой и наглей —  
нахрапистое хрюканье свиней...  
Былого нет. Грядущее темно.  
Мои коллеги... Кто залёг на дно,  
дабы приумножать среди людей  
бессмертный род премудрых пескарей;  
другие вышли в важные чины,  
иные бизнесом увлечены.  
(И слава Богу, что нашли себя,  
тщеславный зуд писанья истребя.)  
Но посреди порушенных основ  
осталась всё же горстка чудаков.  
Хоть нищета и голод им грозят,  
но пёрышком они ещё скрипят...  
И может быть, из их печальных строк  
пробьётся тот заветный родничок,  
что мир живой водою напоит,  
загубленные души воскресит...  
И диким бредом обернутся дни  
разгула торжествующей свиньи.

Выплеснул, не стесняясь в выражениях. Резко? И всё-таки — не теряя оптимизма. Таков Белкин. Хотя окружающая действительность делала всё, чтобы этот оптимизм зачах.

Как заклятие зла, выпал нам на века  
незавидный удел — тараканьи бега...  
За хламиду, за власть, за кусок пирога  
начинаем с утра тараканьи бега.  
И сапожник, и царь, господин и слуга  
принимают как дар тараканьи бега.  
Распинают друзей, убажуют врага  
ради мест призовых в тараканьих бегах.  
Высыхают моря, исчезает тайга...  
Не кончаются лишь тараканьи бега.  
Вот и воры страну волокут на торгá!  
Ну а мы всё кружим в тараканьих бегах.  
Матерь Мира склонилась, печально-строга:  
человеческий род... тараканьи бега...

В середине семидесятых планировался краевой семинар молодых авторов. Чтобы на него пригласили, требовалось отправить рукопись, отпечатанную в двух (или трёх) экземплярах. Машинки у меня не было, печатать не умел, пришлось просить знакомую девушку. Но приехать на семинар я не смог, потому что послали в командировку. Можно было поговорить с начальством и отодвинуть срок отъезда, но не хотелось признаваться в грехе сочинительства. Рукопись попала на рецензию к Владлену Белкину. Я знал, что в Дивногорске живёт такой поэт, но он был в тени наиболее активных и удачливых Зория Яхнина, Романа Солнцева и Аиды Фёдоровой. Может, оттого он и отнёсся к рукописи автора, который не напечатал ни строки, с вниманием и сочувствием. Не успел ещё почувствовать себя мэтром. Потом, когда

познакомились ближе, я понял, что самонадеян и чванства никогда не было в его характере.

К тому времени он издал три сборника и напечатался в сверхпопулярной «Юности». Правда, некоторые собратья по перу говорили с усмешкой, что издали не поэта, а строителя ГЭС. Но это неудивительно, это классика, исходящая из времён Хайяма. Насколько мне известно, кривых поэтических улыбок в его жизни было предостаточно. Кто-то от них ожесточается и начинает отыгрываться на неокрепшей молодёжи, а Белкин внимательно прочитал рукопись и отнёс подборку в дивногорскую газету. Не увидев меня среди «семинаристов», не поленился написать письмо и пригласил приехать в Дивногорск на литобъединение, которое он ведёт. В те годы там собралось довольно-таки крепкое ядро: поучившийся в Литинституте Николай Рябеченков, не менее амбициозный Стас Горохов, Алла Покровская и почти регулярно приезжающий из Красноярска Николай Ерёмин. Все они успели более-менее сформироваться и понемногу уже печатались. Иные мнили себя выше руководителя. Но Белкин и не вставал в менторскую позу непререкаемого авторитета. При разборе чужих стихов обходился мягкими, но точными замечаниями, которые всегда разрешалось оспорить. И оспаривали, порою очень бурно и нервно.

За умение ладить с людьми, а творческие союзы довольно-таки взрывоопасны, его выбрали ответственным секретарём Красноярской писательской организации. Не секрет, что власть портит людей. Однако Белкин, вступив в номенклатурную должность, остался прежним, зато атмосфера в Союзе писателей изменилась до неузнаваемости. После прежнего вождя с диктаторскими замашками в кабинет к Владлену Николаевичу мог прийти любой, даже ещё не принятый в Союз. Прийти не обязательно с какими-то организационными вопросами, а просто поговорить за жизнь и за поэзию и даже, грешным делом, выпить с товарищем, таким же бесправным сочинителем.

И на работе, и дома Белкин всегда был открыт для общения. Помнится, приехала из Набережных Челнов поэтесса Инна Лимонова, поразившая нас великолепной строкой, одной из лучших в женской поэзии: «За коляской хожу, как за плутом...» (которую потом «позаимствовала» и напечатала в «Юности») звезда эротической поэзии Вера Павлова). Мы с Олегом Корабельниковым повезли Инну любоваться красотами Дивногорска. Остановились у Сергея Федотова. Вышли покурить на балкон и увидели Владлена Николаевича, живущего в соседнем подъезде. Позвали в гости, и он, не церемонясь, пришёл по-соседски, в домашней одежде. Не ожидал, что в компании окажется дама, даже бутылку вина принёс, хотя сам в тот период не выпивал. Познакомились. Белкин спросил

у Инны про писательскую жизнь в Татарии, не сильно ли прижимают власти и осторожно начинают издательства. По её рассказам получалось, что им живётся повольготнее, особенно авторам коренной национальности. Белкин посмеялся, что русским у нас везде труднее. Потом Олег попросил Инну спеть, и она с удовольствием затянула: «Ой, то не вечер, то не вечер, мне малым-мало спалось...» Запела, и Белкин сразу подхватил: «...Мне малым-мало спалось, ой, да во сне привиделось...» К моему удивлению, у него оказался глубокий мягкий баритон, и пел он с явным удовольствием, ничуть не напрягаясь, легко и свободно. Потом спели «Поедем, красotka, кататься» и «Ты гуляй, гуляй, мой конь». Осмелевшая Инна завела: «Эх, лимончики, мои червончики...» Белкин и это знал. Пели долго, а когда он собрался уходить, я пошутил:

— Зачем с таким голосом стихи писать? Идите в ресторан — и будете зарабатывать почти как Кобзон.

— Или как Евтушенко, — засмеялся Белкин.

— Отличный мужик! — сказала Инна, когда он ушёл.

— Между прочим, ответственный секретарь краевой писательской организации, — гордо заявил хозяин квартиры Федотов.

— Ничего себе! И ты вот так с ним запросто?! Шутите, ребята?

— Могу его визитку показать.

Визитки под рукой не нашлось, и существовала ли она — не знаю, но Инна поверила.

— Пробую представить, что наши казанские классики запросто заходят в гости к рядовым поэтам, даже не членам Союза... Нет, хочу представить, но не получается, не хватает воображения. Вот она, сибирская вольница.

Сибирь здесь ни при чём. Предшественники Белкина тоже держали дистанцию. Иные даже не дистанцию, а глухой заслон. Им было что оберегать и куда «не пущать» кого ни попадя, разных и прочих — не хотелось терять возможность внеочередного выхода книг (которые, кроме как в местном издательстве, пристроить не получалось), двойные тиражи с повышенным гонораром и приличное жалованье, которое в советское время платили за должность. Дерзкая молодёжь, помыкавшись перед этим заслоном, уезжала искать понимание в другие города (один из молодых — Валентин Распутин). Белкин пользоваться должностью в личных целях не хотел — совесть не позволяла. Его сборники издавались не чаще, чем у других поэтов края. Разве что к пятидесятилетнему юбилею вышла книга в сто сорок страниц. Так и других юбиляров, которые не при должности, тоже поощряли внеочередными изданиями.

Но не все были довольны таким равенством и такой свободой, причём не только ветераны цеха,

но и некоторые новоиспечённые члены Союза. Нашёлся честолюбец и собрал группу единомышленников, которые смогли создать нужную им атмосферу, сумели внушить коллегам и соответственным инстанциям, что Белкин не соответствует месту, которое занимает в писательской организации. Переизбрали. Но собрание всё-таки одумалось и выбрало не того, кто организовал интригу. Какие-никакие, а инженеры человеческих душ поняли, кому нельзя доверять власть.

Обиделся ли Белкин? Любой бы обиделся, но на его отношение к людям это не повлияло. Он продолжал верить, что добро побеждает зло, несмотря ни на какие грязные козни интриганов; продолжал верить, что порядочные люди не перевелись и их намного больше, нежели подлецов; продолжал заниматься с молодёжью и писать стихи, подтверждая позицию героя своего давнего стихотворения:

Если б не плотником мне,  
а, к примеру,  
быть падишахом или премьером,  
то не преминул б однажды собрать я  
всех стихотворствующих собратьев.  
И повелел бы им  
дни и ночи  
пни корчевать и каменья ворочать.  
Бесповоротно порвавшему с музой—  
тотчас путёвку от профсоюза.

А закосневшим в ереси ямбов—  
десятилетия  
в каменных ямах!  
На хлебе с водой.  
Без чернил и бумаги.  
В грязи и презренье.  
В забвенье и мраке.  
Но если упрямец  
и там, на камнях,  
ногтями выцарапает стихотворенье,  
я бы такому  
отдал государство:  
— Царствуй!  
А сам бы  
смирненно устроился гидом:  
те камни показывать  
юным пиитам.

Кстати, уже через год вожденная для карьеристов должность превратится из номенклатурной всего лишь в общественную и неоплачиваемую.

Он доказал свою правоту, как и положено мужчине,— построил не просто дом, а красивейший город, вырастил достойных сыновей и создал стихотворную летопись поколения.

В книге «Таёжная улица», вышедшей в издательстве «Современник» в 1975 году, есть глубочайшая строка: «Куда ни кинь, а пол-России стоит на вечной мерзлоте». Увидел, определил и всю жизнь старался, чтобы слой этой мерзлоты стал тоньше.